

О.Е. ВОРОНИЧЕВ

(Брянский государственный университет,
г. Брянск, Россия)

УДК 811.161.1'373.2:821.161.1-845
ББК Ш141.12-316+Ш33(2Рос=Рус)-47

О ТИПАХ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВАХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ КАЛАМБУРА

Аннотация: В статье рассматриваются различные парадигматические типы собственных имен, способных быть лексическими доминантами каламбура. Поскольку собственные имена, совпадающие в плане выражения, способны иметь семантически связанные и семантически обособленные значения, для наименования таких онимов могут быть введены термины *ономастические полисеманты* и *ономастические омонимы*. Новые значения ономастических полисемантов возникают в результате метонимического переноса с самого называемого лица на его произведение, изображение и другие смежные понятия. Ономастическими омонимами логично признать случаи совпадения в звучании и на письме слов-представителей различных ономастических классов: антропонимов и зоонимов, антропонимов и топонимов и др. Внутри ряда ономастических омонимов могут быть выделены омоантропонимы – совпадающие в звучании и написании имена людей, омотопонимы – омонимические названия географических понятий, относящихся к разным классам, омозоонимы – омоопозиции кличек животных, относящихся к разным зоологическим видам. Ономастические омонимы, обладая большей стилистической значимостью, чем ономастические полисеманты, могут быть лексическими доминантами каламбурного заголовка газетной статьи, способны выполнять композиционную функцию. Однако чаще, чем собственно ономастическая омонимия, в художественной, разговорной, публичной речи и рекламном дискурсе обыгрывается ситуативная омонимия и омофония имен собственных и нарицательных.

Ключевые слова: ономастика, полисемант, омоним, лексическое значение, каламбур, языковая игра.

Хрестоматийное представление о том, что собственные имена в отличие от нарицательных «только называют объект, но не выражают никакого понятия» [Крысин 1989: 97] (эта точка зрения впервые была сформулирована английским философом Джоном Стюартом Миллем в 1843 г. в работе «Система логики»), давно обветшало. Еще Л.В. Щерба не сомневался в наличии у онимов лексического значения, «поскольку имена собственные, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никако-

го смысла» [Щерба 1974: 278]. Следует учитывать, что семантика онама единична в речи (при соотношении имени с конкретным объектом), но в достаточной мере обобщена в языке (это сближает собственные имена с нарицательными; напр.: *Иван* – русское мужское имя), что, безусловно, не исключает возможности употребления обобщенного значения онама в речи (хотел назвать его *Иваном*) и закрепления его конкретного значения в языке (*Ломоносов, Волга*) [Рублева 1986: 188].

Для наименования собственных имен с несколькими семантически связанными значениями и тех, которые совпадают в плане выражения, но имеют семантически обособленный план содержания, могут быть введены термины *ономастические полисеманты* и *ономастические омонимы*.

Новые ЛСВ собственных имен чаще всего возникают в результате метонимического переноса: с самого называемого лица на его произведение (читать Лермонтова, слушать Бетховена), изображение (получить Георгия, Александра Невского – об орденах, видеть Давида – о скульптуре) и т.д. В романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» встречаем 3 ЛСВ собственного имени Агамемнон: 1. Царь Аргоса, предводитель ахейских (греческих) войск во время Троянской войны. 2. Этот царь как персонаж оперетты Оффенбаха «Прекрасная Елена». 3. Актер, исполняющий эту роль: *Актеры усердно смешили публику: она особенно хохотала, когда Колхас, достав из будки суфлера три стаканчика водки, угостил царей Агамемнона и Менелая, а затем они трое акробатически ловко и весело начали плясать трепака.*

В сравнительно редких случаях собственное имя как лексема может быть представлено окказиональным ономастическим ЛСВ. Например, в том же романе Горького топоним *Азия* употребляется не только в известном значении (часть света, смежная с Европой), но и в суженном окказиональном – ‘юг азиатской части России; то же, что Средняя Азия’: *А выселить лишок в Сибирь али Азию не хватает смелости* (Фроленков).

Под омонимией имен собственных принято понимать применение одного языкового знака к предметам разных ономастических полей [Суперанская 1978: 5-33], т.е. омонимами в ономастике признаются случаи совпадения в звучании и на письме

слов-представителей различных ономастических классов: антропонимов и зоонимов (*Мишка, Васька* – разг. варианты мужских имен и кличек животных); антропонимов и топонимов (гидронимов, ойконимов): *Лена, Владимир*; гидронимов и зоонимов: *Волга, Амур* (названия рек и клички лошадей или собак); мифонимов и астронимов (или космонимов) [Подольская 1978]: *Юпитер, Венера, Марс, Меркурий, Нептун* и др. (имена богов древнеримского пантеона и названия планет Солнечной системы) и пр.

Внутри разряда ономастических омонимов в первую очередь следует выделить омоантропонимы – совпадающие в звучании и написании имена (включая фамилии и отчества) людей. Причисление к омоантропонимам собственных имен с тождественным планом выражения объективно осложнено отсутствием универсальных критериев разграничения полисемии и омонимии. Спорным остается прежде всего лексический статус имен, входящих в одно терминологическое поле (ономастический класс). Одни исследователи относят такие факты к полисемии [Введенская, Колесников 1995: 17-19], другие – к омонимии, поскольку считают, что собственным именам полисемия «принципиально не свойственна» [Суперанская 1973: 292]. Исходя из того, что лексическое значение имени собственного в речи (в том числе художественной) – как бы видовое по отношению к его значению в языке [Привалова 1979: 61], можно согласиться с компромиссной точкой зрения, что многочисленные имена (включая фамилии и отчества) тезок – *Иван, Мария, Сергей Петрович, Толстой, Тургенев* и т.п. – омонимы на уровне речи, поскольку в ней актуальна конкретная информация о называемом объекте (лице). В речи «ЛЗ одинаковых имен окажутся разными, т.е. омонимичными: Иван (Грозный) – русский царь, Иван (Карамзев) – персонаж романа Ф.М. Достоевского и т.п.» [Рублева 1986: 192]. При этом каждый омоантропоним, на наш взгляд, имеет по меньшей мере 2 уровня конкретизации в речи. Например, имя *Олег (Вещий)* в произведении А.С. Пушкина, во-первых, обозначает известное историческое лицо; во-вторых, главного героя «Песни о вещем Олеге». Однако эта двухступенчатая семантическая конкретизация, отличающая данный объект-носитель имени *Олег* от других его носителей, противопос-

тавлена общей (языковой) семантике ‘имя человека, лица мужского пола’. На уровне языка это и другие собственные имена мужчин и женщин логично признать многозначными словами, так как «с точки зрения языковой семантики одно имя в применении к разным лицам – одно и то же слово» [Там же: 191]. Тот же принцип дифференциации может быть применим и к ЛЕ других ономастических классов. Например, город *Брест* на западе Франции и город *Брест* на западе Белоруссии следует признать полисемантами на уровне языка, так как оба топонима являются собственными именами одного класса – *астионимами* (наименованиями городов), но омонимами на уровне речи, поскольку это названия совершенно разных городов, к тому же находящихся в разных государствах.

К омоантропонимам следует отнести и случаи совпадения в разговорной речи фамильно-сокращенных вариантов полных имен мужчин и женщин: *Саша* (ср.: *Шура*, *Саня*), *Валя*, *Женя*, *Паша*, *Сима* и п. Члены оппозиций типа *Женя* (м.р.) – *Женя* (ж.р.) должны быть признаны омонимами, а не формами или ЛСВ одного слова, поскольку грамматический род у существительных – несловоизменяемый признак, к тому же у одушевленных имен он имеет явную семантическую мотивированность признаком пола.

Большую группу омоантропонимических оппозиций образуют производные от существительных-имен людей разговорные притяжательные прилагательные на *-ов-* / *-ев-*, *-ин-* / *-ын-* (*Федоров¹*, *Дмитриев¹*, *Васин¹* и др.) и русские существительные-фамилии (*Федоров²*, *Дмитриев²*, *Васин²* и т.п.), возникшие в результате субстантивации соотносимых притяжательных прилагательных. Сравните: *дочка Ларионова¹* (притяжательное прилагательное, образованное от *Ларион* – разговорного варианта мужского имени Иларион) – *очаровательная Ларионова²* (фамилия известной актрисы Аллы Ларионовой).

Помимо названных классов ЛЕ, к омоантропонимам следует отнести личные имена, которые образованы от разных производящих основ, в силу чего имеют принципиально различную семантику и маркированы как омонимы в словарях: *Георгина¹* (производное от мужск. имени *Георгий*) – *Георгина²* (по названию цветка *георгин*); *Рем¹* (имя, восходящее к мифониму *Remus*

(букв. 'весло') – один из братьев-основателей Рима) – *Рем*² (аббревиатура от *революция мировая*) и по аналогии: *Ренат*¹ (от лат. *renascor* – 'возродившийся') – *Ренат*² (из сочетания *революция, наука, труд*), *Рикс*¹ (предположительно от лат. *rex* – царь) – *Рикс*² (из сочетания *рабочих и крестьян союз*) и т.п.

Наряду с омоантропонимами в особый разряд ономастических омонимов могут быть выделены омотопонимы как омоопозиции названий географических понятий, относящихся к разным классам (*Конго* – река и государство), *Воронеж*, *Нарва*, *Истра* (названия городов и рек) или относящиеся к одному классу, но имеющие совершенно разную словообразовательную природу, как, например непроизводное слово *Севск* – название одного из районных центров в Брянской области и производное *Севск* – одно из неофициальных стяженных названий города Северодвинска [Ахметова 2011. – URL: <http://www.sfgpu.ru> (12.09.2012)], образованное усечением конечной части первого корня и начальной части второго корня производящего сложно-составного существительного.

По аналогии логично выделить оmozонимы как омоопозиции кличек животных, относящихся к разным зоологическим видам: *Рыжий* (кот и пёс), *Зорька* (корова и лошадь). Такие омонимы нередко возникают в результате взаимодействия с другими ономастическими классами: так, *Машка* (коза и свинья), *Васька* (кот и поросёнок) – перешли в зоонимы из антропонимов; *Алтай*, *Байкал*, *Амур* (пёс, конь, тигр и т.д.) – из топонимов.

Стилистические свойства ономастических полисемантов и омонимов во многом определяются их семантическими особенностями. Если сравнивать индексы стилистической значимости, то ономастические омонимы обладают ею в большей мере, поскольку каламбурное столкновение лексических единиц, разных семантических классов более контрастно.

Ономастические омонимы могут выступать, например, в роли лексических доминант каламбурного заголовка газетной статьи: *В городе на Волге «Волг» генерал не признавал* (МП, 12.05.07). Здесь создают аттракцию нетождественные формы (П. ед.ч. и Р. мн.ч.) ономастических омонимов *Волга* и «*Волга*», относящихся к разным классам собственных имен: *потомонимам*

(названиям рек) и *порейонимам* (собственным именам любых видов транспортных средств) [Подольская 1978].

На почве ономастической омонимии возможны и случайные каламбуры:

Изящная корма «Анны Карениной» колыхалась в волнах. На носу «Анны Карениной» развевался трехцветный российский флаг (И. Виноградский).

Пассажир, заходящий в маршрутное такси, спрашивает у водителя: «Скажите: на Вашей машине я доеду до «Европы»?», имея в виду название нового супермаркета в Брянске, и шофёр, правильно понявший вопрос, отвечает: «Конечно, доедете!».

Ономастические омонимы, как и другие разряды каламбурно-образующей лексики, могут выполнять композиционную функцию. Например, один из героев к/ф «Небесный тихоход», для которого «первым делом самолёты», самоуверенно говорит о своей невосприимчивости к женским чарам: *«Меня пушкой не прошибёшь! Разве только «Катюшей»*. Очевидно, что говорящий употребляет слово *«Катюша»* в значении ‘реактивный миномёт’. Затем этот персонаж влюбляется в девушку Катюшу. Таким образом, омонимическая аттракция (каламбурное столкновение прагматонима с антропонимом) способствует развитию комедийного сюжета, созданию кольцевой композиции.

Примером каламбурного столкновения ономастических антропонимов в эпистолярном жанре служит отрывок из письма Пушкина П.А. Вяземскому от 7 ноября 1925 г. В этом письме Пушкин тонко обыгрывает полисемию слова *отец* в сочетании с, казалось бы, одним и тем же именем собственным [Ковалев 2006: 4]: *«Я из Пскова написал тебе было уморительное письмо – да сжег. Тамошний архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения»*. Здесь при повторном употреблении имени *Евгений* оно выступает уже как омоантропоним в составе перифразы с имплицитным компонентом: *отец «Евгения (Онегина)»*.

При каламбурном столкновении ономастических омонимов могут преследоваться не только традиционные (комические) цели, но и – в некоторых случаях – совершенно противоположные, как, например, в следующих строках:

КИНОТЕАТР «РОССИЯ»

Недавно оказался я случайно

Сквозь дыры чёрных окон ветер свищет,

*На улице, где прежде восхищал
Своей величиной необычайной
«Россия» – лучший в Брянске кинозал.*

*В просторном зале – мусор и навоз...
И долго я стоял на пепелище
Былой культуры, радости и грёз.*

*Но что это: от резкой перемены
Мне сердце будто кровью обожгло. –
Холодные обугленные стены,
Блестит вокруг разбитое стекло.*

*Боль сердце жгла, но верилось нелепо,
Что всё-таки когда-нибудь опять,
«Россия», возродиться ты из пепла,
Чтоб радовать собой и восхищать.*

В этом экспериментально созданном тексте имплицитное каламбурное взаимодействие *ойкодомонима* (названия отдельного здания) «Россия» с топонимом *Россия* выполняет смыслообразующую и композиционную функции, способствуя выражению ностальгии о разрушенном государстве, об утраченных с ним или удешевленных нравственных и культурных ценностях.

Чаще, чем собственно ономастическая омонимия, в художественной, разговорной, публичной речи и рекламном дискурсе обыгрывается ситуативная омонимия и омофония имен собственных и нарицательных.

Так, в трагедии «Смерть Иоанна Грозного» образ шута мастерски создан А.К. Толстым в соответствии с традиционной классической («шекспировской») трактовкой данного персонажа. Например, шут спрашивает Иоанна: «Царь-батюшка! <...> Ты когда жениться // Сбираешься?» и далее, в ответ на вопрос «Тебе на что?» объясняет, указывая на Михаила Нагого: «...Хочу вот Мишке службу сослужить: // Нагих-то время при дворе прошло, // Так я хочу вот этого пристроить!» (Снимает свой колпак и ходит от одного к другому, будто прося милостыни). Наконец, в ответ на недоуменный оклик Грозного «Что делаешь ты, шут?» говорит: «По нитке с миру // Сбираю, царь, Нагому на рубаху!». Эта каламбурная шутка основана на имплицитном столкновении лексико-морфологических омонимов – собственного имени существительного (фамилии) *Нагой* и прилагательного *нагой* – в рамках пословицы *С миру по нитке – голому рубаха*, которую Толстой искусно трансформирует прежде всего посредством лексической замены слова *голый* псевдосинонимом *Нагой*.

Журналисты охотно применяют каламбуры, основанные на обыгрывании антропонимов или (реже) топонимов и других

классов собственных имен, омонимичных, созвучных или подобозвучных нарицательным, в газетных заголовках, ср.: *Братья Гримм и дамский грим* [Брянский рабочий, 16.11.1983].

Омонимические оппозиции собственных и нарицательных имен – одно из наиболее экспрессивных средств ЯИ в рекламе. Каламбурные параллели между названиями, торговыми марками видов продукции и их нарицательными апеллятивами позволяют быстрее достичь суггестивного эффекта. Характерный пример такого короткого телевизионного рекламного сюжета:

/Начальник спрашивает у опоздавшей на работу девушки в присутствии ее коллег/

– Вы почему опоздали?

– А я завтракала... с «Президентом»! <...>

/Слоган:/ Вкус плавленого сыра «Президент» настолько тонкий и нежный, что не надо торопиться! «Президент» – наслаждайтесь не спеша! [т/к «Звезда», 21.01.2012].

В целом же ЯИ, основанная на омонимии собственных и нарицательных имен, может использоваться в самых различных дискурсах и ситуациях речи:

«Правды» нет, «Россию» продали, есть только «Труд» за 2 копейки (фраза газетного киоскера советских времён); *Штирлиц выстрелил в Мюллера. Пуля отскочила. «Броневой!»* – подумал Штирлиц (из анекдотов о Штирлице); *Надёжная, вооружённая до зубов Королевская Охрана смело бросилась наутёк. И Шут с ней* (В. Ливанов, Ю. Энтин. Бременские музыканты); *Поскольку Первая мировая война началась с выстрела Принципа, при решении украинского конфликта на принцип идти не надо* (Ю. Поляков. «Воскресный вечер» с Владимиром Соловьевым; 27.06.2014); *Жизнь коротка. Используй «Момент»!* (девиз ток-сикомана); *«Лоск» есть, пятен нет!* (реклама стирального порошка).

Таким образом, следует признать, что собственно ономастические омонимы и – в еще большей степени – омонимические оппозиции имен собственных и нарицательных обладают не менее внушительным экспрессивно-семантическим потенциалом для языковой игры, чем омонимичные слова неонамастических классов лексики.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметова М.В. Неофициальная топонимия Архангельской области [Электронный ресурс] // Сб. мат-в III международной научной конференции «Русский язык и проблемы филологического образования». – Северодвинск, 26–27 декабря 2011. – Ч. 1. – Режим доступа: <http://www.sfgpu.ru> (12.09.2012).

Введенская Л.А., Колесников Н.П. От названий к именам. – Ростов-на-Дону, 1995.

Касаткин Л.Л., Крысин Л.П. и др. Русский язык. В 2-х ч. Ч. 1. – М., 1989.

Ковалев Г.Ф. Ономастические каламбуры А.С. Пушкина // Русская речь. 2006. № 1.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.

Привалова М.И. Собственные имена и проблема омонимии // Вопросы языкознания. 1979. № 5.

Рублева О.Л. К проблеме омонимии, синонимии и полисемии имен собственных // Омосемия и омография в естественных машинных языках: сб. научных трудов. – Владивосток, 1986.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – Л., 1973.

Суперанская А.В. Аpellятив – онома // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978.

Шерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

© Вороничев О.Е., 2016